

Часть первая

Глава 1

Они были давно знакомы, тесно общались, но не дружили...

Дружили их отцы. А Виталя Пименов и Сема Ткачев были вынуждены контактировать друг с другом на семейных праздниках и в поездках на курорты. Еще общаться на переменках, поскольку учились в одной школе. У отцов ребят был общий, весьма крупный и процветающий бизнес, и мужчинам хотелось, чтоб их жены и дети подружились. Мамы ребят быстро поладили, а Виталя с Семой плохо находили друг с другом общий язык.

Они были очень разными. Первый — типичный отпрыск нового русского, избалованный, капризный, высокомерный, изводящий преподавателей и прислугу. Второй — скромный, увлеченный чтением и рисованием.

Семен стеснялся того, что его возит в школу шофер, и просил высаживать его на автобусной остановке. Тогда как Виталя подкатывал к крыльцу под громкую музыку, что по его требованию врубал водитель. Учились они в разных классах: Семен был на год младше, и когда пошел в первый, Виталя уже перешагнул во второй. Но получать высшее образование отправились в один год. Ткачев сразу после того, как получил среднее образование, а Пименов решил сделать годовой перерыв в учебе. Отец позволил ему это из-за Семы. Он хотел, чтобы тот вместе с его сыном отправился

в Лондон, где юношам и девушкам их круга надлежало получить высшее образование (тогда это был такой тренд).

Сема с детства мечтал стать архитектором. Но, зная, как туго ему даются математика и физика, необходимые для освоения этой профессии, готов был заняться дизайном интерьеров или декором. Виталя в девятнадцать так и не определился с выбором, поэтому за него это сделал папа и отправил того учиться на финансиста.

Ребятам сняли одну квартиру на двоих, по меркам Лондона довольно большую, трехкомнатную. По спальне на каждого парня, плюс гостиная. Сема пытался протестовать, изъявлял желание поселиться в общежитии, но его не слушали.

Под одной крышей с Виталей Ткачев выдержал полгода. Тот вечно водил к себе друзей, они устраивали шумные вечеринки, а поутру невозможно было попасть в ванную, потому что там засела очередная случайная любовница соседа. Семен съехал. Поселился у друзей в халупе на восемь человек. А на следующий год обосновался в общежитии. О том, что Виталя бросил университет, узнал от отца, так как перестал общаться с навязанным родителем «другом». А вскоре старшие Пименов и Ткачев разорвали отношения. И деловые, и дружеские.

Отец Витали кинул партнера, тот набил ему морду и чуть в тюрьму не загремел.

У Ткачевых наступили тяжелые времена. Папа получил условную судимость, лишился бизнеса, на нем повисли долги, и мужчина вынужден был продать дом, две машины. Он с нуля начал новое дело, уже без партнеров.

Семен хотел бросить университет и вернуться домой, чтобы ему в этом помогать, но его уговорили остаться и закончить обучение. Благо оно было оплачено полностью, а за общежитие парень отдавал из собственных денег —

вместе с друзьями они занимались дизайном веб-сайтов. У отца все более-менее наладилось уже через три года. Когда Сема вернулся в Россию, его родители и младшая сестренка уже не бедствовали. От Семиной бабушки, у которой вынуждены были поселиться, переехали в отдельную квартиру, пусть всего лишь двухкомнатную и в спальном районе. Соседи считали их не просто благополучными, а обеспеченными.

Знали бы они, как жили Ткачевы еще пять лет назад! А каким черноволосым красавцем был глава семьи! Высокий, косая сажень в плечах и небольшой, уютный животик, от которого млела мама. Но переживания последних лет не прошли даром. Ткачев-старший поседел, похудел, осунулся. А в сорок два умер от обширного инфаркта. Фирма досталась Семену. Не архитектурная, даже не строительная.

Ткачев занимался канцтоварами. Имел четыре магазина и склад. Ручки, степлеры, бумага и прочая дребедень пользовались неизменным спросом у учащихся и офисных работников, что позволяло фирме всегда быть в плюсе. Сема принял на себя управление ею. Когда вник, понял, как можно расшириться и выйти на новый уровень. Он ввел продажу через интернет (тогда это еще было в новинку), бесплатные образцы товаров, доставку напрямую со склада. Сема всего себя отдавал делу отца, забыв о своем, любимом. Теперь он глава семьи и обязан заботиться о матери и сестре.

Выдохнул только в тридцать. Но оказалось, что он многое забыл, чему его учили в Англии, а еще упустил новое, современное, модное. И опять взялся за учебу. На сей раз образование получал на родине. Маме с сестрой купил дом — они хотели именно его. Себе квартиру-студию на последнем этаже высотной новостройки, где только пил по утрам кофе и ночевал. Архитектурно-дизайнерское бюро,

открытое Ткачевым, быстро стало популярным у среднего класса. Семен был доволен, но не счастлив. Проектировать коттеджи, перепланировать квартиры, вдыхать новую жизнь в старые, потерявшие вид вещи — это прекрасно, но... Хотел творить. А по мнению мамы, «вытворять».

О Пименовых Сема старался не вспоминать все последние годы. О старшем не получалось: он считал его предателем, Иудой и винил в смерти отца. А о младшем Ткачев благополучно забыл. И не друг он ему, и не враг... а так.

И вот спустя столько лет Виталя сидит перед Семей. Улыбается искренне. Он на самом деле рад видеть давнего приятеля. Зубы белоснежные (поставлены дорожные виниры), на щеках ямочки. Виталя хорош собой, но полноват и выглядит старше своего возраста.

— Сема, ты вообще не изменился, — выдал Пименов во второй уже раз. — Подумать только, столько лет прошло, а ты все тот же ушастый дрищ в стоптанных кедах.

На самом деле Ткачев худым не был, стройным — да. И уши у него оттопыривались несильно. А кеды он на самом деле обожал с детства. И носил модные, дорогие. Что в детские годы, что сейчас. Даже если нужно было принарядиться, он не изменял привычной обуви: просто выбирал кожаную, максимально приближенную к классической. А Виталя выглядел барином. Щетина ухожена, волосы уложены и подкрашены на висках, костюм от какого-нибудь итальянского дизайнера (Сема не разбирался, но видел — вещь хорошая), часы из платины, из нее же кольцо, а ботинки начищены так, что в них можно увидеть свое отражение. Однако второй подбородок щетина, ухоженная в барбершопе, не скрывала, средиземноморский загар не маскировал мешки под глазами, а руки с безупречным маникюром чуть потрясывались.

Сема понял, что Пименов с похмелья. И гулял он не день или два. Пил неделю, не меньше. Это не был запой, просто такой образ жизни.

Виталя любил куролесить. Рестораны, клубы, девочки. Он был по натуре гедонистом. Обожал услаждать себя. Но в двадцать лет организм легко справлялся с тем, что его используют на полную катушку. А когда тебе за тридцать... Надо уже задумываться.

В свои студенческие годы Виталя внешне был не просто хорош собою — невероятен. Девушки от него млели. И дело не в том, что он был стройнее, глаже. Не в растрепанных иссиня-черных волосах. Не в одежде, такой, не как у всех, но идеально сидящей, независимо от фасона. Не в улыбке, прекрасной и без виниров. В глазах. Изумрудно-зеленых. Лучащихся. Озорных. Он вел себя отвратительно, как правило, но тем, кто его хорошо не знал, казалось... Это он не со зла. Как-то он во время ссоры избил случайную подружку. Не сильно, но отметины на теле оставил. Она хотела вызвать полицию, но Виталя так смотрел на нее: чисто, открыто, просяще... Что она поверила в то, что его жестоко наказывала мама в детстве, а девушка на нее похожа и он, будучи пьяным, просто их перепутал и хотел защититься.

Сейчас глаза Виталя потухли. Стали уставшими, скупающими. Из-за них и вся внешность как-то поплыла, а никак не из-за двух десятков лишних кило.

— Не ожидал тебя увидеть, — сказал Сема. — Чай, кофе? — Виталя мотнул головой. — Есть виски. Пятнадцатилетний.

Было десять утра, Пименов явился к открытию, но кого это смущало?

— А вот от него не откажусь. Вчера круто погуляли с друзьями.

- Ты не за рулем?
- У меня водитель.

Сема подошел к шкафу, где стоял алкоголь, подаренный благодарными клиентами. Все знали, что он ценитель виски. Только пил его Ткачев под меланхоличное настроение, вечером, обычно сидя на террасе маминого дома. Закутавшись в плед, на кресле-качалке, он попивал солодовый напиток мелкими глотками и смотрел на дождь... Именно в дождь на него накатывала меланхолия. Мама и сестра знали об этом. А еще о том, что Сема в такие периоды хочет побыть в одиночестве, и не мешали.

Когда виски был налит и подан Витале, Семен спросил:

- Что тебя привело ко мне?
- Хочу привести тебя к успеху!

— Вот оно как, — хмыкнул Семен. — И каким же образом?

— Все расскажу, покажу... Но чуть позже. Сейчас мне хотелось бы что-нибудь сожрать. — Кто бы сомневался. Виски он выпил залпом. — В вашей конторке есть что-нибудь съестное?

- Найдем. Я распоряджусь.
- А я себе еще налью.

Он деловито взялся за бутылку и плеснул себе вторую порцию. А Сема тем временем дал распоряжение помощнице.

— Ты вообще как? — спросил Виталя, пригубив и вальяжно откинувшись на спинку кресла.

- Как видишь, неплохо.
- Да как раз я вижу, что фиговенько.
- Потому что тот же дрищ в стоптанных кедах?

— Не, это твой выбор, ты всегда был скромнягой... Но офис у тебя так себе. Работников мало. И я навел справ-

ки — ни один важный человек тебя не знает, то есть работаешь на нищebroдов.

Сема коротко хохотнул. Он отвык от таких людей, как Виталья. Хотя даже в те времена, когда их семья купалась в роскоши, подобных было немного. Все больше нормальные. Но попадались даже горничные с пафосом. Они свысока посматривали на тех своих коллег, что убирались в обычных коттеджах из жалких четырех комнат.

— Я занимаюсь любимым делом и получаю за это деньги, которых мне вполне хватает, — спокойно ответил Семен. — А как твоя жизнь протекает?

— Шикарно. — И с ухмылкой добавил: — Как видишь! — А затем обвел себя свободной от стакана рукой, как экскурсовод статую Давида.

— Работаешь?

— Занимаюсь разными проектами. Инвестирую.

«Папины деньги», — мысленно добавил Семен. Старший Пименов взлетел так высоко, что шея затечет, пока смотришь, где он оказался. «Форбс» каждый год его включает в список богатейших людей России. Не в ТОП-10, но тридцатку он много лет не покидает. Не так давно занялся политикой. Еще женился на баронессе и метит также в высшее общество Англии.

Если бы он явился сейчас к Семену, тот не стал бы с ним разговаривать. Если бы Уголовного кодекса не боялся, долбанул бы его по голове чем-то тяжелым.

Старший Пименов был единственным человеком, которого он ненавидел. Но дети за отцов не отвечают. И Виталья просто ему как человек не нравился. Однако встретился с ним, предполагая, что тот сможет принести доход его фирме и вывести на новый уровень.

Конечно, не нищebroды были клиентами Ткачева, но люди в средствах, пусть и немалых, ограниченные, имею-

щие традиционные вкусы, стремящиеся скорее к комфорту, чем к красоте и необычности... А он хотел творить... Или все же вытворять?

— Сейчас я задумал нечто грандиозное, — продолжил Виталя, допив вторую порцию виски и заметно порозовев.

А тут и помощница Семена явилась с подносом. На нем крекеры, оливки, твердый сыр.

— Что, икры нема? — повесил уголки своего рта Пименов. — М-да... А говоришь, все хорошо. Бедненько у тебя, Сема! Но я помогу тебе выйти на новый уровень.

— А можно ближе к делу? У меня куча дел.

— Отмени все. Перед тобой тот, кто прославит тебя и, как следствие, сделает богатым.

Семен предполагал услышать что-то вроде: «Войди со мной в долю, и через кратчайший срок мы не только отобьем затраты, но и получим прибыль».

Перед тем как встретиться с Ткачевым, он наверняка навел справки и сделал вывод, что у того средства имеются. А вот у самого Виталя как знать... У отца новая семья, трехлетний ребенок. Опять же на плотно засиженную политическую жердочку даром не вскочишь. А содержать великовозрастного детину-транжиру ох как накладно... Да и надоело. Сколько можно?

«Если я прав и мне сейчас представят бизнес-проект, откажусь, — сказал себе Семен. — Даже если предложение будет заманчивым. С кем угодно в долю войду, только не с младшим Пименовым...».

— Я уже говорил, что задумал нечто грандиозное? — спросил Виталя, после того как прожевал горсть оливок.

Сок стек по его подбородку, и он вытер его рукавом своего дорогущего пиджака.

— Минуту назад.

— Да. Так вот, я хочу, чтоб ты стал частью проекта.

— Денег не дам.

— Мелочовку свою оставь для покупки новых кед... и подаяния нищим. У меня есть не только бабки, но и идея, а также объект, который я хочу отдать тебе на растерзание.

— Какой? — осторожно спросил Сема.

— Сейчас покажу. — Он открыл сумку из кожи крокодила (а какой еще?) и достал из нее планшет. Выведя на экран фотографии, протянул его собеседнику. — Как тебе?

— Это что за развалюха?

На снимках было запечатлено старое, дореволюционное здание со следами бывшей красоты, но находящееся в ужасном состоянии. И ладно бы в нем не было дверей и окон, так один из углов обрушился.

— Это усадьба князя Филаретова, — принялся объяснять Виталия. — Построена в конце XVIII века.

— По ней заметно.

— До революции она выглядела прекрасно. Открой второй альбом.

— Да, — вынужден был согласиться Семен, последовав совету Виталия. — И очень авангардно. В те времена всем не так строили.

— Гауди со своими причудливыми домами, собором и парком нервно курит! Архитектор, спроектировавший особняк Филаретова и другие постройки на территории усадьбы (до наших дней не сохранившиеся), опередил свое время задолго до знаменитого испанца.

— Как его фамилия?

— Точно не известно. То ли Сомов, то ли Карпов, то ли Пескарев. Короче, рыба фамилия.

— Но почему? Архитекторы, как и художники, подписывали свои работы. Кто как мог или хотел. Стела, доска, кирпич, вензель.